

УДК 94(470)»19/...»

Нестеров И.А.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

**РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В МОСКВЕ
И ОТСТАВКА ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ КНЯЗЯ В.М. ГОЛИЦЫНА
(ЯНВАРЬ – НОЯБРЬ 1905 г.)**

I. Nesterov

Lomonosov Moscow State University

**DEVELOPMENT OF REVOLUTIONARY EVENTS IN MOSCOW
AND RESIGNATION OF THE MAYOR OF THE PRINCE V.M. GOLITSYN
(JANUARY – NOVEMBER, 1905)**

Аннотация. Настоящая статья посвящена развитию революционных событий в Москве с января по ноябрь 1905 г. и обстоятельствам отставки Городского головы князя В.М. Голицына. Автор рассматривает обострение отношений между Московской городской думой и государственной властью, начало Всероссийской Октябрьской политической стачки, забастовку городских служащих, подрыв здоровья и разочарование в происходящем В.М. Голицына как основные причины, побудившие последнего сложить с себя полномочия. Для написания статьи автором были привлечены как опубликованные, так и архивные материалы.

Ключевые слова: В.М. Голицын, Московская городская дума, Московская городская управа, Городской голова, городское общественное управление, революция.

Abstract. This article is dedicated to the development of the revolutionary events in Moscow from January to November of 1905, and the circumstances of the resignation of Prince V.M. Golitsyn, the Mayor of Moscow. The author considers the intensification of tension between the Moscow City Duma and the government, the beginning of the October All-Russian political strike, as well as the strike of municipal employees and V.M. Golitsyn's health worsening as the main reasons for his resignation. The author has studied both published and archival materials as sources for this article.

Key words: V.M. Golitsyn, Moscow City Duma, the Moscow city government, mayor, city public administration, revolution.

Революционные события 1905 г., в частности участие в них органов московского городского самоуправления, нашли достойное отражение в отечественной историографии. Однако до сих пор не достаточно освещенной остается роль Московского городского головы Владимира Михайловича Голицына в этих центральных событиях начала XX в. Представитель древнего дворянского рода, он трижды избирался главой московского самоуправления. Этот период был продуктивен не только для городского хозяйства древней столицы, но и для становления либерального движения, одним из центров которого была Московская дума.

Открытое вступление на политический путь Московской думы произошло на заседании 30 ноября 1904 г. Группа прогрессивных гласных внесла на голосование заявление, содержащие демократические требования. В подготовке его князь В.М. Голицын участия не принимал, но в силу широких полномочий городского головы, такое решение не могло быть принято без его одобрения. Гласные Думы обратились к городскому секретарю Н.И. Астрову с просьбой сходить к Владимиру Михайловичу для предварительного обсуждения. Князь Голицын выслушал его и дал свое согласие, произнеся: «Можно». Как вспоминал городской секретарь: «Это была обычная его манера. Он не любил длинных разговоров» [1, с. 77]. Демо-

кратических деклараций подобного рода Московское городское самоуправление до того дня не знало. Гласные предложили направить правительству мнение Думы по вопросам, которые она считает неотложными. Среди них числись такие, как ограждение личности от внесудебного разбирательства, отмена исключительных законов, обеспечение свободы совести, вероисповедания, слова, печати, свободы собраний и союзов. А также содержалось требование: «провести вышеуказанные начала в жизнь на обеспечивающих их неизменность незыблемых основах, выработанных при участии свободно избранных представителей населения; установить правильное взаимодействие правительственной деятельности с постоянным, на законе основанным, контролем общественных сил над законностью действий администрации»¹. Однако вскоре городской голова получил извещение губернатора о том, что постановление Думы решено вынести на рассмотрение Губернского по земским и городским делам присутствия². В своем дневнике по этому поводу князь записал: «Ну и прихлопнули нас, постановление Думы опротестовано, от меня требуют объяснений...»³. Тем не менее Московская дума стала одним из центров новой политической жизни, которая ассоциировалась с именем Владимира Михайловича Голицына.

Постановление Московской думы 30 ноября 1904 г. взбудоражило общественные силы Российской империи. С этого момента вплоть до отставки Голицына в Московскую городскую думу «стали являться депутации от разных организаций и вновь возникавших союзов» [1, с. 87], которые приносили городскому голове В.М. Голицыну различные петиции и политические заявления. Адреса и приветствия, направляемые князю, были неоднородными. Свою солидарность с Москвой выражали как крупные, так и небольшие

провинциальные города. Признание своей поддержки присылали различные объединения российской интеллигенции, высказывая «совершенную солидарность с принятыми... резолюциями». А также благодарили городского голову за то, что он «нашел именно те мысли, чувства и слова, коими выражаются напряженные ожидания и чаяния, волнующие в настоящее время все русское интеллигентное общество»⁴. Однако не все эти материалы ограничивались лишь сообщениями о поддержке начатому делу. Так, например, в заявлении, присланном студентами князю В.М. Голицыну, содержится информация уже другого порядка: «бюрократическое правительство решило даже не выслушать Вашего спокойного обдуманного голоса, поспешив наложить на него цензурное veto... Долой иллюзии! Родина ждет от нас – современников исполнения долга гражданина. Настал момент от просьб перейти к требованиям. Мы, учащиеся высших учебных заведений гор. Москвы, горячо приветствуем Ваше постановление от 30-го ноября, видя в нем первый шаг этого пути»⁵.

События в Москве развивались стремительно, а отношения городского общественного управления и государственной власти все более накалялись. После убийства генерал-губернатора Москвы – Великого князя Сергея Александровича некоторые управленческие обязанности перешли в ведение бывшего губернатора А.Г. Булыгина. Александр Григорьевич и князь Голицын были женаты на родных сестрах, но их отношения нельзя было назвать близкими. Когда представители Думы, во главе с Владимиром Михайловичем, пришли попрощаться с А.Г. Булыгиным, назначенным министром внутренних дел, прощание обернулось выговором. Булыгин стал указывать на то, что Московская дума встала на путь уклонения от своих прямых обязанностей и занялась деятельностью, которая не определяется законодательством [1, с. 82]. Вступив в должность министра А.Г. Булыгин, писал московскому градоначальнику:

¹Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 6 - 6 об.

²ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 41.

³Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75. Д. 25. С. 387. Запись 6 декабря 1904 г.

⁴ЦИАМ Ф. 179. Оп. 21. Д. 2243. Л. 37-37 об.

⁵ЦИАМ Ф. 179. Оп. 21. Д. 2243. Л. 38.

«Хотя московский городской голова князь Голицын и не понес наказания за допущение к обсуждению в городской думе вопроса общегосударственного значения, ...но это не означает еще, что его прошлая деятельность, как председателя думы, одобряется»¹. Новый министр предписал московскому градоначальнику вызвать Владимира Михайловича и предупредить о возможности привлечения к ответственности по ст. 1085 Устава уголовного судопроизводства², посвященной приданию суду по преступлениям должности.

Тем временем в Москве активно развивалось рабочее забастовочное и стачечное движение. В начале апреля 1905 г. в своем донесении временно исполняющий обязанности старшего фабричного инспектора Московской губернии А.М. Шульгин писал в Министерство финансов о положении рабочих и причинах их стачек следующее: «Волнение фабрично-заводских рабочих началось 10 января 1905 г., выразилось в прекращении работ на 134 промышленных заведениях с общим числом рабочих свыше 45 000 чел.» [4, с. 320]. С началом забастовок фабричных рабочих к их движению примкнули рабочие городских конно-железных дорог и ассенизационного обоза [3, с. 10]. К октябрю 1905 г. революционные события в России достигли своей кульминации. Начавшаяся на московском железнодорожном узле стачка вскоре приобрела всероссийский размах и носила политическое значение. На заседании Московской думы 13 октября городскими рабочими и служащими было принято решение присоединиться к общей забастовке, которую к тому моменту уже поддержали больницы и водопроводное хозяйство [5, с. 409]. По этому поводу В.М. Голицын писал: «все стали мы очень нервными и непригодными для серьезного и спокойного дела...замечаю я, что за это последнее время история в тесном смысле этого слова потеряла всякий интерес для меня...оно и понятно: читая историческое повествование, невольно сопоставляешь его с современным, с окружающим, а это

последнее за последующие два года до того противно, что сопоставление это заставляет отвернуться и от исторического прошлого»³.

Не столь частые до этого, заседания Думы стали проводиться чуть ли не ежедневно. Однако не уходили «дальше пустых фраз»⁴. Высокое политическое напряжение и моральное давление обстоятельств сказались на здоровье Владимира Михайловича. Плохое самочувствие и растерянность заставили Голову задуматься о сложении полномочий. 15 октября на заседании Думы обсуждался вопрос о забастовке городских служащих. Князь, закончив свою сумбурную речь фразой «я говорить больше не могу» [7, с. 647], получил совет от гласного, врача Н.М. Кишкина, «передать председательство другому лицу» [7, с. 647], поскольку врач как специалист считал городского голову очень больным. На это замечание князь отреагировал следующим образом: «Если вы, мои друзья, а я всех вас считаю друзьями, считаете меня неспособным нести эти обязанности, я с охотой сложу их, потому что обстоятельства сильнее меня, и обстоятельств этих я...больше не понимаю» [7, с. 647]. Предложение было временным, и уговаривать князя сложить полномочия гласные не собирались, что находит подтверждение в словах гласного Н.Н. Щепкина: «Речь идет о припадке болезни. Князь, отдохните и приходите опять» [7, с. 647]. На следующий день князь все-таки решил оставить свой пост, объясняя это несколькими обстоятельствами. Во-первых, это «полное разложение Думы», которая, как считал Владимир Михайлович, дала себя заменить «каким-то иным органом, неизвестно как создавшимся». Во-вторых, «невозможное положение управы», исполнительного органа Московской думы, при начавшихся забастовках. В-третьих, «бездействие и несостоятельность административной власти, которая не только не поддержит в нужную минуту, но которая сама требует такой поддержки, чтобы совсем не развалиться».

³ НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. С. 98–99. Запись 8 октября 1905 г.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. С. 83. Запись 28 сентября 1905 г.

¹ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 101.

² ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2244. Л. 101.

По мнению князя, контроль над ситуацией «находится в руках революционной партии», что, по его мнению, является благоприятным только для «диктатуры». А ему как либералу, стороннику конституционного строя, не находится выбора, кроме как «удаления в жизнь замкнутую, без касательства к происходящему, без отношений к нему»¹.

17 октября в Московскую думу поступили заявления от Головы и его товарища об их болезни. Но уже следующее заседание Думы, состоявшееся через день, открыл князь В.М. Голицын. На то была особая причина. На чрезвычайном собрании 18 октября гласные стоя выслушали Высочайший манифест, прочтенный Городским головой. Больной и разочарованный, Владимир Михайлович счел необходимым лично открыть собрание Думы, на котором обнаружился столь важный для России документ. Это было проявление истинного мужества, достойного такой ответственной должности, как глава городского общественного управления. После прочтения Манифеста князь Голицын обратился к гласным с речью, в которой среди прочего сказал: «Дадим друг другу слово не жалеть себя, дабы русское общество было на высоте отныне ему дарованного, дабы твердо, разумело и свободно выполнило оно свое светлое и высокое призвание. Москва первая должна подать свой голос, сказать свое радостное слово, полное веры в будущее, веры в себя» [2, с. 160].

Конфликты с губернской администрацией и революционные события в Москве, выходявшие из-под контроля правительства, сказались на здоровье В.М. Голицына. Но, тем не менее, он нашел в себе силы и мужество на принятие своего последнего ответственного решения в должности городского головы. 19 октября 1905 г. к московскому генерал-губернатору П.П. Дурново явилась делегация гласных Московской городской думы, во главе с князем В.М. Голицыным, по поводу похорон известного деятеля большевистского крыла РСДРП Н.Э. Баумана, убитого черносотенцами за день до этого. Захоронение революци-

онера было назначено на 20 октября, и, дабы предотвратить возможные провокации и столкновения, делегация ходатайствовала «о том, что бы во время похорон по всему пути следования погребальной процессии полиция и войска не были выставляемы» и заявила, «что нарушений уличного порядка при похоронах произведено не будет» [6, с. 469]. Однако, несмотря на все старания Думы и Городского головы князя Голицына, похороны большевика вызвали двухдневные беспорядки в Москве, сопровождавшиеся столкновениями рабочих и студентов.

На собрании Московской думы 25 октября гласные заслушали письмо от своего Головы следующего содержания: «...при настоящих обстоятельствах я не считаю возможным сохранить за собою вверенного ею мне полномочия и слагаю с себя обязанности Московского Городского Головы» [7, с. 742]. В связи с этим гласными было единогласно принято решение выразить кн. В.М. Голицыну глубокую признательность Московской городской думы и поместить в зале заседаний Думы его портрет.

18 ноября высочайшим приказом по гражданскому ведомству князь В.М. Голицын был уволен с должности городского головы. А за три дня до этого, 15 ноября, в Московскую думу поступило заявление 110 гласных, в котором содержалось предложение присвоить князю В.М. Голицыну звание Почетного гражданина Москвы².

После сложения полномочий Голицын не раз размышлял о последнем годе своего служения. Вину за кровавые события 1905 г. В.М. Голицын возлагал не только на революционеров и на карательный аппарат государства, но и на «либералов-конституционалистов», к которым причислял и себя. Последние, по его мнению, проявили недостаточную смелость в слове и деле и «главное – слишком поздно и потому торопливо начали свой поход»³. Однако позже В.М. Голицын, «не без некоторого чувства удовлетворения», осознавал свой вклад в общественно-политические процессы 1904–1905 гг. [8, с. 70].

¹ НИОР РГБ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 26. С. 111–114. Запись 16 октября 1905 г.

² ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 205. Д. 50. Л. 2.

³ НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 26. С. 158. Запись 15 ноября 1905 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астров Н.И. Воспоминания. – М., 2000. – 173 с.
2. Журналы Московской городской думы за 1905 г. – М., 1906.
3. Каржанский Н. Как избиралась и как работала Московская городская дума. М., 1940. – 46 с.
4. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 960 с.
5. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. – М.: Новый хронограф, 2010. – 752 с.
6. Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет 1905–1955. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 780 с.
7. Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за 1905 г. – М., 1907.
8. Трубецкой А.В. Мой дед Владимир Михайлович Голицын (1847–1932) – Московский Городской голова: штрихи к портрету // Хозяева и гости усадьбы Вязьмы. К 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына. Материалы IV Голицынских чтений 18–19 января 1997. Ч. I. – М., 1997. – С. 65–71.